

Запад и Восток — это не вполне адекватные для современности оппозиции

А.Л. Андреев, доктор философских наук

Прежде всего, конечно, надо четко осознавать концептуальный статус той теории, которая здесь прозвучала. Она хорошо известна, широко обсуждается. Конечно, это спекулятивная теория, но спекулятивная в хорошем смысле слова. Вывести ее можно из разных предпосылок. И хотя она соотносится с некоторыми обобщенными историческими фактами, но, тем не менее, эти факты особым образом сконструированы и пропущены через теоретическое мышление. Мы же здесь все время говорим не о реальных исторических фактах. В качестве факта берется то, как видели те или иные тенденции славянофилы, западники, представители других направлений. Поэтому нужно построить, как мне кажется, для этой теории — так же как и вообще для всех рассуждений на эту тему — адекватную эмпирическую базу. Вопрос достаточно многосторонний. В качестве одного из пластов этой эмпирической базы надо рассматривать состояние массового сознания. Вообще-то надо спросить не только интеллектуалов, являются ли они европейскими интеллектуалами или не совсем европейскими, что они думают о России и Западе — надо апеллировать еще и к самоощущению «рядовых» носителей той самой цивилизационной специфики, о которой мы все время говорим. Сами-то они в этой дискуссии участвуют? Они, конечно, не артикулируют свою точку зрения так, как это делают Вадим Михайлович и Александр Гельевич, но какое-то мнение они тем не менее имеют. Конечно, я имею в виду массовое сознание. Здесь можно найти

вещи, которые и подтверждают ту теорию, которая была сегодня нам представлена, и не подтверждают ее. Вообще говоря, то, что Запад и Европа — разные вещи, россияне отлично понимают, в том числе на уровне интуиции и чувства. Это хорошо просматривается в различных социологических исследованиях. Заметно, что отношение к Западу и отношение к Европе разное, даже когда Европа выступает в ипостаси Запада. Таким образом, то, что говорил сегодня А.Г. Дугин, в целом подтверждается на уровне массовой самоидентификации. Но я не могу согласиться с тем, что чем более интегрирована Европа, тем больше расхождение ее с Западом. Как ощущают эту проблему россияне? Если Европа как культурно-историческое образование является для наших сограждан в определенном смысле ценностью (не побоюсь этого слова), то так называемые европейские институты — Евро-союз и т. д. — все это воспринимается как ипостась Запада. У нас в массовом сознании просматривается такой сложный, двоящийся образ: с одной стороны Европа как собственно Европа, с другой стороны — та же самая Европа, которая выступает уже как Запад. Отношение к этим двум Европам в массовом сознании разное. Интересно, что, если судить по данным социологических опросов, начиная с конца текущего десятилетия, Россия сама начинает осознавать себя в этой системе координат совершенно необычным образом. Массовое сознание определяет Россию как «западную» страну. Однако эта идентификация идет вовсе не в русле западной традиции, т. е. не в смысле стремления «усвоить европейский манер», стать «такими же», а в некотором совершенно новом и притом довольно неожиданным смысле: речь идет о том, что Россия — «сама себе Запад» (во всяком случае, теперь), и никакой другой Запад в смысле исходного образца или эталона уже не нужен. Конечно, «массовый человек» не артикулирует такие теории, но когда ему задаешь простые, доступные пониманию обычных граждан вопросы, все эти вещи просвечиваются. В частности, видно, как в

последнее время меняются векторы культурной идентичности. Если раньше российскую экономику рассматривали (на уровне простой вербальной оценки) как что-то «азиатское», то сегодня россияне все больше и больше начинают квалифицировать ее как «западную». В то же время можно видеть недостаток цивилизационных теорий, во всяком случае, в их нынешнем качестве, в том, что реальность часто пытаются уложить в однажды возникшие модели, которые приобрели какой-то метафизический характер, хотя реальность давно уже с ними разошлась. Так, можно очень много говорить о холизме, можно называть соборность высшей формой индивидуализма, но я думаю, что тот индивидуализм, который реально существует в России — это не высшая форма индивидуализма, а довольно низкая и примитивная его форма, но очень агрессивная и острая. Господа, у нас же люди не любят друг друга, социальная солидарность сведена к минимуму. Этот процесс начался, между прочим, не вчера и не с 1992 г., а намного раньше. Советский индивидуализм, плавно давший нам события конца 1980-х — начала 1990-х гг. и агрессивный постсоветский индивидуализм, который мы сегодня наблюдаем, — это, в сущности, просто разные стадии и формы одного и того же явления.

В заключение хочу сказать, что я принадлежал, а отчасти и сейчас принадлежу, к тому теоретическому направлению, которое обрисовал докладчик. Но когда я слышу такие слова, как «вирус» Запада, западничества или западных ценностей, или слова о том, что в России есть и то, и другое, т. е. элементы всех цивилизаций, я, честно говоря, начинаю сомневаться в том, что эти традиционные для нас оппозиции Восток — Запад вообще адекватны. Не стоим ли мы на пороге таких трансформаций, культурно-исторических и социально-исторических, когда мир будет представлять собой какую-то сетевую структуру, с наложенными друг на друга сетями, и когда все цивилизационные идентичности примут мозаичный характер и будут перемешиваться? Вот так,

как перемешиваются сегодня в России, где, с одной стороны, есть православие, которое укрепляет свои позиции, с другой стороны — есть исламский Татарстан, где уже и русский язык не особо изучают. Нечто подобное, я думаю, происходит во всем мире, хотя и в других формах. Таким образом, если у меня были какие-то смутные подозрения, что Запад и Восток — это не вполне адекватные для современности оппозиции, то после сегодняшнего семинара я, отчасти, в этих подозрениях укрепился.